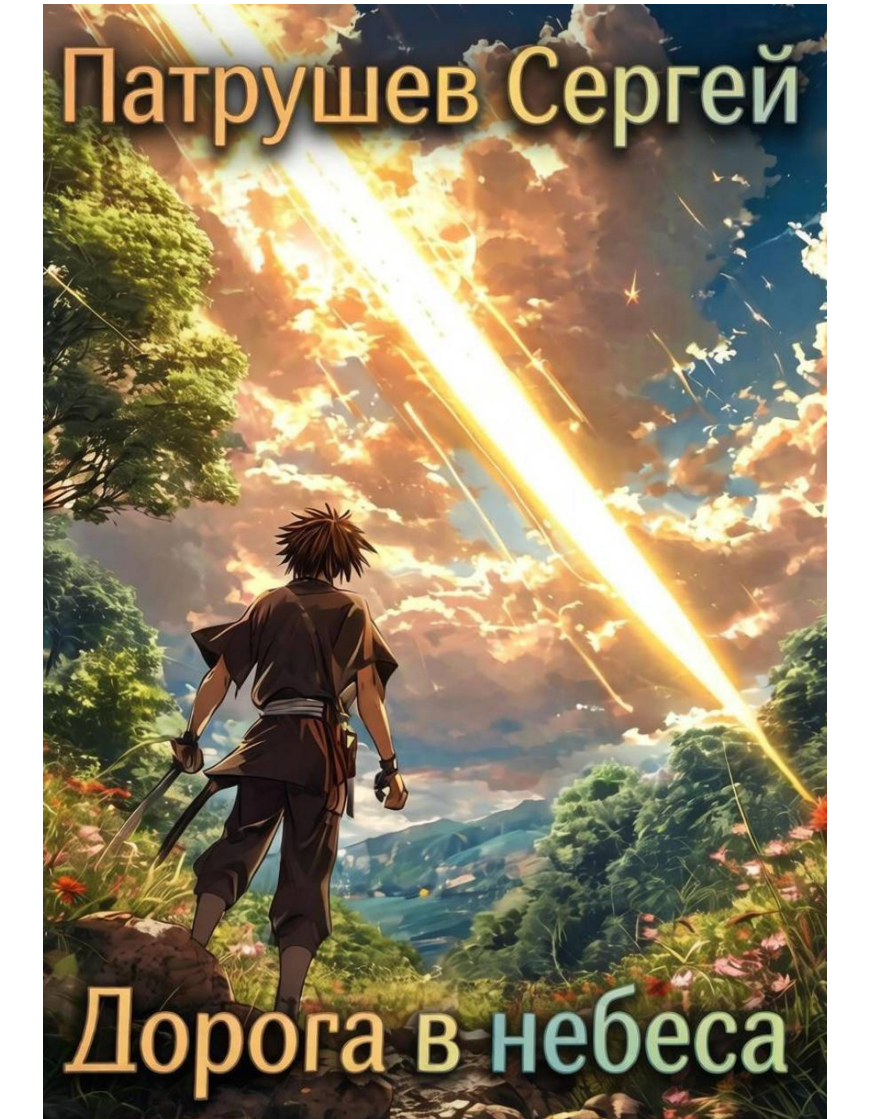

Патрушев Сергей

Дорога в небеса

Сергей Патрушев

Дорога в небеса

<https://litres.ru/74490108>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сергей очнулся на первой ступени лестницы, уходящей в небо. Внизу туман, впереди вечность. На каждом уровне его встречает ангел Мира и задаёт вопросы, от которых не скрыться.

Отпустить прошлое, простить врагов, принять страх, услышать тишину — эти уроки даются болью и светом.

Поднимаясь сквозь облака сомнений, огонь гнева и ледяное безразличие, он приближается к источнику всего. Но у порога чистого света Сергей делает выбор: остаться в блаженстве или вернуться на землю, чтобы помочь другим.

Дорога в небеса — это история о том, что небо внутри нас, а восхождение — это путь к самому себе.

Содержание

Глава 1. Пробуждение на ступенях	4
Глава 2. Отказ от багажа	25
Глава 3. Первое облако (Страх)	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Патрушев

Дорога в небеса

Глава 1. Пробуждение на ступенях

Первое, что он осознал — это холод. Не резкий, кусающий мороз зимы, какой случается в конце января, когда ветер выдувает тепло из любой одежды, а глубокий, проникающий в самые кости холод камня. Такой холод бывает в старых подвалах, в заброшенных храмах, в местах, где время остановилось и забыло уйти. Он лежал на чем-то твердом и неровном, и это было настолько непривычно, что сознание, только что вынырнувшее из небытия, отказывалось принимать реальность. Сергей попытался открыть глаза, но веки были словно налиты свинцом. Голову заполнял густой, вязкий туман, в котором не было ни одной мысли, ни одного воспоминания. Только ощущения: холод, тяжесть в теле и странная, звенящая тишина вокруг. Эта тишина была не просто отсутствием звука — она была плотной, осязаемой, словно воздух превратился в вату. Он слышал только собственное дыхание, но и оно казалось чужим, далеким.

Прошло несколько долгих мгновений, прежде чем он смог

разлепить глаза. Первое, что увидел — серое, ровное, без единого проблеска света небо. Оно не было пасмурным в привычном смысле, каким бывает небо перед дождем или снегом. Оно просто было серым, как бесконечный лист бумаги, затянутый дымкой, как экран выключенного телевизора, как стена в комнате без окон. Сергей моргнул, пытаюсь сфокусироваться, и медленно повернул голову. Камень. Он лежал на огромной, грубо отесанной каменной ступени. Ступень была широкой, наверное, в несколько метров, и уходила в обе стороны так далеко, что он не видел края. Она была частью чего-то грандиозного, монументального, но что именно это было, он пока понять не мог. Камень под ним был серым, с вкраплениями более темных и светлых пятен, и на ощупь казался холодным и шероховатым, как наждачная бумага. Сергей провел ладонью по поверхности — пыль, мелкая каменная крошка, ни следа чьих-либо ног или рук. Он был первым здесь? Или просто первым, кто задержался?

Сергей приподнялся на локтях. Тело слушалось плохо, словно он пролежал здесь не один час, а, возможно, и не один день. Мышцы ныли, суставы скрипели, во рту было сухо и горько, как будто он наглотался пепла. Он сел, свесив ноги с края ступени, и только тогда осознал, где находится. Внизу, прямо под ним, расстилался туман. Не обычный утренний туман, который он мог видеть в родном городе, стелющийся по полям и дорогам, цепляющийся за провода и крыши, а

густое, плотное, молочное море, которое скрывало все, что находилось под лестницей. Туман был настолько плотным, что казался осязаемым, он медленно клубился, словно живое существо, перекатывался волнами, и от него веяло тем самым холодом, который разбудил Сергея. Этот холод не был просто температурой — он был ощущением пустоты, небытия, чего-то, что находится за гранью привычного мира.

Он посмотрел вверх. Лестница уходила ввысь. Ступени, одна за другой, поднимались в серое небо и исчезали в облаках, которые, казалось, висели прямо над его головой. Они не были похожи на обычные облака — они были тяжелыми, плотными, почти каменными, и свет, пробивающийся сквозь них, был тусклым и рассеянным, как сквозь матовое стекло. Лестница была бесконечной. Сергей не видел ни площадок, ни поворотов, ни конца — только бесконечный подъем, уходящий в никуда. Она напоминала ему картины сюрреалистов, которые он когда-то видел в музее: лестницы, ведущие в небо, без начала и конца, символы человеческой жизни, вечного поиска. Но тогда это были просто картины, а теперь он стоял на одной из таких ступеней, и это было реально. Слишком реально.

— Где я? — прошептал он, и его голос прозвучал глухо, словно утонул в этом сером мареве. Слова повисли в воздухе и растаяли, не оставив эха.

Ответа не было. Тишина стояла абсолютная, ни ветра, ни шороха, ни далекого эха. Только его собственное дыхание и стук сердца, который он вдруг отчетливо слышал. Сердце билось ровно, но как-то странно — словно изнутри, а не снаружи. Он приложил руку к груди и почувствовал, как под ладонью пульсирует жизнь. Значит, он жив. Или что-то вроде того. Сергей попытался вспомнить, как он здесь оказался. Он закрыл глаза, напрягая память, но в сознании была только пустота. Он помнил свое имя — Сергей. Помнил, что ему тридцать два года. Помнил, что жил в большом городе, работал в офисе, ездил на машине, пил кофе по утрам. Но все это было словно чужим, далеким, как старая фотография, выцветшая от времени. Он не помнил, что делал вчера. Не помнил, как лег спать. Не помнил, как оказался на этой ступени. Он пытался вспомнить лица — родителей, друзей, коллег, но вместо лиц в памяти всплывали только размытые пятна, словно кто-то стер их ластиком. Он помнил, что у него была мать, но не помнил ее голоса. Помнил, что была жена, но не помнил, как она улыбалась. Помнил, что была работа, но не помнил, чем именно он занимался. Это было хуже, чем полная амнезия, — это была амнезия выборочная, издевательская, оставляющая факты, но отнимающая чувства.

Паника подступила к горлу, но он усилием воли подавил ее. Он всегда гордился своей способностью сохранять хлад-

нокровие в сложных ситуациях. «Разберусь», — сказал он себе. — «Главное — не паниковать. Оглядеться. Понять, что происходит». Эти слова он повторял как мантру, как заклинание, которое должно было вернуть его в реальность. Но реальность не возвращалась. Вместо нее был серый камень, серое небо и бесконечная лестница.

Он встал. Ноги держали, хотя и подрагивали. Одет он был в простую серую одежду, которую не помнил: свободные брюки, рубашка, мягкие ботинки без шнурков. Одежда была чистой и удобной, словно сшитой по мерке, но абсолютно безликой. Ни карманов, ни молний, ни пуговиц — просто ткань, облегающая тело. Он похлопал себя по бокам, надеясь найти телефон или бумажник, но ничего не было. Только он, ступень и бесконечная лестница. Он провел рукой по ткани — она была мягкой, но прочной, похожей на хлопок, но без швов. Словно ее вырастили, а не сшили. Он подумал, что, возможно, это не одежда в привычном смысле, а часть этого места, такая же, как камень и туман.

Сергей сделал шаг к краю ступени и заглянул вниз. Туман был настолько плотным, что не было видно даже основания лестницы. Казалось, что ступени вырастают прямо из этого молочного моря, и если он сделает еще один шаг вперед, то просто утонет в нем. Он отступил назад, инстинктивно чувствуя, что падать туда нельзя. Что бы ни скрывалось под ту-

маном, это не было выходом. Это было нечто противоположное выходу — некая бездна, которая поглотит его, если он проявит неосторожность. Он представил, как туман касается его кожи, как он обволакивает его, тянет вниз, и по спине пробежал холодок. Нет, туда нельзя. Только вверх.

— Ты проснулся, — раздался голос за его спиной.

Сергей резко обернулся. На ступени, на несколько метров выше, стояла девушка. Он не слышал, как она подошла, не слышал ни шагов, ни дыхания. Она просто появилась, словно была здесь всегда, но он ее не замечал. Девушка была молодой, на вид лет двадцати пяти, с бледным, почти прозрачным лицом и длинными темными волосами, которые свободно спадали на плечи. Одета она была в такое же простое серое платье, как и его одежда, но ткань казалась легче, словно сотканной из тумана. И глаза. Ее глаза светились. Не ярко, не как лампы, а мягким, теплым светом, словно внутри у нее горела свеча. Этот свет был единственным ярким пятном в сером мире, и Сергей не мог отвести от него взгляд. Он чувствовал, что этот свет проникает в него, касается чего-то глубоко внутри, чего он сам не осознавал.

— Кто ты? — спросил он, и голос его прозвучал хрипло, словно он давно не говорил.

Девушка улыбнулась. Улыбка была спокойной, почти печальной, как у человека, который знает больше, чем говорит.

— Меня зовут Мира, — сказала она. — Я здесь, чтобы встретить тебя.

— Встретить? — Сергей нахмурился. — Где я? Что это за место? И почему я ничего не помню?

Мира медленно спустилась на несколько ступеней, пока не оказалась на одном уровне с ним. Она двигалась легко, словно не касалась камня, и когда остановилась, Сергей почувствовал странное тепло, исходящее от нее. Оно не согревало тело, но согревало что-то внутри, в самой глубине души, где до этого был только холод и страх. Это тепло было похоже на воспоминание о доме, о детстве, о чем-то давно потерянном, но не забытом окончательно.

— Ты на Лестнице, — сказала она просто. — Это место между тем, что было, и тем, что будет. Ты поднимаешься.

— Поднимаюсь? Куда?

Мира посмотрела вверх, туда, где ступени исчезали в облаках.

— Туда, — сказала она. — Наверх. К вершине.

— А что на вершине?

— Этого я не знаю, — покачала головой Мира. — Каждый, кто поднимается, находит там что-то свое. Для кого-то это ответы. Для кого-то — покой. Для кого-то — новое начало. Но каким будет твой путь, зависит только от тебя.

Сергей снова посмотрел на лестницу. Она была пугающе огромной. Тысячи, миллионы ступеней, уходящих в бесконечность. И ему предстояло подниматься по ним? Один? Без памяти, без цели, без понимания, что происходит? Он представил, как идет по этим ступеням дни, месяцы, годы, и не видит конца. От этой мысли у него закружилась голова.

— Я не понимаю, — признался он. — Почему я здесь? Что я сделал? Я... я умер?

Мира не ответила сразу. Она подошла ближе, и Сергей увидел, что ее глаза светятся ровным, спокойным светом. В них не было ни жалости, ни осуждения — только понимание. Она смотрела на него так, словно видела насквозь, словно знала о нем все, что он сам забыл.

— Ты не умер, — сказала она наконец. — И ты не жи-

вешь. Ты в пути. Это место — не конец и не начало. Это переход. Ты оказался здесь потому, что пришло время двигаться дальше. Но как ты будешь двигаться — решать тебе.

— Я ничего не помню, — повторил Сергей, и в его голосе прозвучала горечь. — Как я могу двигаться дальше, если не знаю, откуда иду? Как я могу выбрать путь, если не помню, кем был?

Мира мягко коснулась его руки. Ее пальцы были прохладными, но не холодными, и от этого прикосновения по телу Сергея разлилось странное спокойствие. Паника, которая только что клокотала внутри, начала отступать. Он почувствовал, как напряжение уходит из плеч, как дыхание становится ровнее.

— Память вернется, — сказала Мира. — Не вся и не сразу, но она вернется. Лестница — это не только путь наверх. Это путь внутрь себя. Каждая ступень, которую ты преодолеешь, откроет что-то новое. Воспоминание, чувство, понимание. Но только если ты будешь готов.

— Готов? — переспросил Сергей. — Как я могу быть готов, если не знаю, что меня ждет?

— Никто не знает, — улыбнулась Мира. — Но ты можешь

быть открыт. Это все, что требуется.

Сергей посмотрел на нее, потом снова на лестницу. Подъем казался невозможным. Бесконечные ступени, серое небо, облака, которые, казалось, давили сверху. И все же... что-то внутри него, какая-то упрямая, древняя часть души, говорила: иди. Не стой. Не сдавайся. Это был не разум, не логика, а что-то более глубокое, инстинктивное, словно зов крови.

— А ты? — спросил он. — Ты пойдешь со мной?

Мира покачала головой.

— Нет, — сказала она. — Я не могу подниматься. Я могу только встречать тех, кто приходит, и объяснять им правила. Дальше ты пойдешь один.

— Один, — эхом повторил Сергей. Это слово прозвучало тяжело, как приговор. Он представил, как остается на этой лестнице совсем один, без единой живой души, без возможности поговорить, спросить совета, просто услышать чей-то голос. Одиночество всегда пугало его, хотя он никогда в этом не признавался. Даже в самые трудные периоды жизни он старался окружать себя людьми, чтобы не оставаться наедине с собственными мыслями.

— Не совсем один, — улыбнулась Мира. — Лестница живая. Она чувствует тебя. Она будет помогать... или мешать. Все зависит от того, как ты будешь идти. Если ты будешь бороться с ней, она станет твоим врагом. Если примешь ее — она станет твоим проводником.

— Как можно принять... это? — Сергей обвел рукой во круг. — Это место, эту бесконечность, это непонимание?

— Так же, как принимаешь жизнь, — ответила Мира. — Ты не знаешь, что будет завтра. Ты не знаешь, почему все происходит так, а не иначе. Но ты живешь. Ты дышишь. Ты делаешь шаг за шагом. Здесь то же самое. Просто шаг. Потом еще один. И еще.

Сергей замолчал, обдумывая ее слова. Что-то в них было правильное, что-то, что отзывалось в глубине его существа, там, где память была еще жива. Он вспомнил — смутно, как во сне, — что когда-то давно ему уже приходилось начинать с нуля. После армии, когда он вернулся в родной город и не знал, куда идти, где искать работу, как жить дальше. После развода, когда остался один в пустой квартире, где каждый угол напоминал о прошлом. После увольнения, когда пришлось искать новую работу, унижаться на собеседованиях, слышать отказы. Каждый раз было страшно. Каждый раз казалось, что это конец. Но каждый раз он делал шаг. И еще

один. И еще. И постепенно боль утихала, страх отступал, и жизнь продолжалась. Может быть, и здесь будет так же.

— Хорошо, — сказал он тихо. — Я пойду.

Мира кивнула, и в ее светящихся глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Тогда начни, — сказала она. — Первая ступень всегда самая трудная. Но ты уже на ней. Ты уже сделал первый шаг, когда проснулся.

Сергей посмотрел на ступень, на которой стоял. Она была такой же, как все остальные — серая, каменная, грубая. Но теперь он видел в ней не просто камень. Он видел начало. Начало пути, который ему предстояло пройти. Он поднял ногу и поставил ее на следующую ступень. Камень под ногой показался теплее, чем можно было ожидать. Сергей сделал еще один шаг. Потом еще. Лестница не сопротивлялась. Она просто была. И он шел.

— Подожди, — окликнула его Мира.

Сергей обернулся. Девушка стояла на прежнем месте, и свет ее глаз казался чуть ярче в сгущающихся сумерках. Или это был не свет, а что-то другое — что-то, что она хотела ему

передать.

— Что?

— Помни, — сказала Мира. — Скорость не важна. Не пытайся бежать. Не пытайся считать ступени. Просто иди. И когда станет трудно — а станет трудно, — вспомни, что ты уже прошел. Это твое. Никто не может у тебя это отнять.

Сергей кивнул. Он хотел сказать что-то еще, спросить, увидит ли он ее снова, но слова застряли в горле. Мира улыбнулась — в последний раз, — и начала медленно растворяться в воздухе. Ее образ становился все более прозрачным, пока не исчез совсем. Остался только свет. Потом и он погас.

Сергей остался один. Совершенно один на бесконечной лестнице, уходящей в серое небо. Он посмотрел вниз, туда, где скрывался туман, потом вверх, где ждали облака. И он сделал шаг. Потом еще один. Лестница тянулась ввысь, и он шел. Медленно, но верно. Шаг за шагом. Ступень за ступенью. В тишине, в холоде, в неизвестности. Но он шел. Потому что это было единственное, что он мог сделать. И потому что где-то там, наверху, его ждало что-то важное. Что-то, что он должен был найти. Даже если не помнил, что именно.

Первые сто ступеней дались легко. Тело, несмотря на

странную слабость после пробуждения, двигалось послушно, и подъем не казался утомительным. Сергей даже начал думать, что все не так страшно, как показалось сначала. Лестница была ровной, ступени — удобными, и если не смотреть вниз и вверх, а сосредоточиться на том, что прямо перед тобой, идти было вполне можно. Он старался не думать о том, что осталось позади, и не заглядывать в будущее. Просто шаг, еще шаг, еще. Это было почти медитативно. Он слышал только свое дыхание и мерный звук шагов — глухой стук подошв о камень. Этот ритм убаюкивал, и мысли постепенно замедлялись, становились плавными, как река в широком русле.

Но на сто первой ступени что-то изменилось. Воздух стал плотнее, словно каждый шаг требовал чуть больше усилий. Дыхание сбилось, и Сергей впервые за все время почувствовал усталость. Она накатила не сразу, а исподволь, как вода, просачивающаяся сквозь плотину. Сначала заныли икры, потом бедра, потом поясница. Он остановился, перевел дух и огляделся.

Внизу туман казался еще дальше, чем раньше. Он уже не просто клубился у подножия лестницы — он отступил, обнажив первые ступени, которые теперь тускло поблескивали в сером свете. Сергей не помнил, как выглядело то, что было под туманом, но почему-то был уверен, что там ничего нет.

Пустота. Может быть, именно поэтому туман и скрывал ее — чтобы не пугать тех, кто только начинает подъем. Или чтобы не дать им повода вернуться. Он отвернулся. Смотреть вниз было неприятно, словно там, в глубине, таилось что-то, чего лучше не видеть.

Он посмотрел вверх. Облака, которые раньше казались близкими, теперь были чуть дальше, но по-прежнему висели над головой тяжелой пеленой. Никаких просветов, никаких намеков на небо. Только серое молоко, уходящее в бесконечность. Он попытался разглядеть хоть какой-то намек на вершину, но не увидел ничего, кроме бесконечных ступеней, исчезающих в облаках.

— Ну что ж, — сказал Сергей вслух, и собственный голос прозвучал в тишине неожиданно громко. — Идем дальше.

Он продолжил подъем. Ступени шли ровно, одна за другой, и он перестал их считать — просто ставил ногу, подтягивал тело, снова ставил. Это было монотонно и успокаивающе. Мысли, которые поначалу метались в голове, начали замедляться, становиться более плавными. Он думал о том, что сказала Мира. «Память вернется», — пообещала она. Но пока не вернулась. В голове по-прежнему было пусто, как в чистом листе бумаги. Он помнил факты своей жизни: где родился, где учился, кем работал. Но не помнил чувств. Не

помнил, что любил, что ненавидел, чего боялся, о чем мечтал. Словно кто-то взял его жизнь и стер все краски, оставив только черно-белый контур. Он попытался вспомнить какой-нибудь яркий момент — например, день, когда ему вручили диплом, или первый поцелуй, или рождение ребенка, — но в памяти не было ничего, кроме серой пелены. Это было странно и страшно. Он чувствовал себя пустым сосудом, который когда-то был полон, а теперь вымыт дочи́ста.

«Может, так и надо», — подумал Сергей. — «Может, для того чтобы подниматься, нужно оставить все лишнее внизу». Эта мысль показалась ему разумной, но что-то внутри противилось ей. Он не хотел оставлять свое прошлое, даже если не помнил его. Он хотел вернуть его, собрать по кусочкам, как разбитую вазу. Но как это сделать? Лестница не давала ответов. Она просто была.

Он шел уже довольно долго, когда заметил, что ступени начали меняться. Сначала он не понял, в чем дело, но потом до него дошло: они стали уже. Не на много, всего на несколько сантиметров, но этого было достаточно, чтобы идти стало менее удобно. Приходилось ставить ногу точнее, следить за равновесием. Лестница словно проверяла его, заставляла быть внимательнее. Он почувствовал, как в нем поднимается раздражение. «Что за глупость?» — подумал он. — «Почему нельзя просто идти?» Но тут же одернул себя. Если лестни-

да живая, как сказала Мира, то, возможно, она не просто испытывает его, а учит чему-то. Терпению? Внимательности? Умению приспособливаться?

— Ладно, — пробормотал Сергей. — Я понял. Не расслабляться.

Он продолжал идти, и ступени становились все уже. Теперь они были не шире его ступни, и каждый шаг требовал сосредоточенности. Если бы он остутился, то мог легко упасть — а падать было некуда. Внизу только туман и пустота. Сергей не знал, что будет, если он сорвется, но проверять не хотел. Он представил, как нога соскальзывает с узкой ступени, как он летит вниз, в это молочное море, и его охватил ледяной ужас. Он замер, пытаясь унять дрожь в коленях. «Не смотри вниз», — приказал он себе. — «Смотри только на ступени. Только вперед». И он пошел дальше, стараясь не думать о том, что находится под ним.

Еще через какое-то время ступени снова изменились. Теперь они стали выше. Каждый шаг требовал усилия, приходилось поднимать ногу выше, напрягать мышцы бедер. Сергей почувствовал, как усталость накатывает волнами — сначала легкая, потом все сильнее. Дыхание сбилось, на лбу выступил пот, рубашка прилипла к спине. Он остановился, чтобы отдышаться, и только тогда заметил, что стоит на месте

уже несколько минут. Ступени под ним были теми же самыми — серыми, каменными, — но идти дальше не хотелось. Тело словно налилось свинцом, каждая мышца протестовала против продолжения подъема. В голове зазвучал тихий голос: «Остановись. Отдохни. Ты устал. Зачем тебе это?» Сергей помотал головой, отгоняя этот голос. Он знал, что если поддастся, то не сможет продолжить. Это была проверка — не только тела, но и духа.

— Это проверка, — сказал себе Сергей. — Просто проверка. Надо идти.

Он заставил себя сделать шаг. Потом еще один. Потом еще. Ноги дрожали, но он шел. И ступени снова стали обычными — широкими и удобными. Усталость не прошла, но стала терпимой. Сергей понял, что лестница не просто испытывает его — она учит. Учит терпению, настойчивости, умению преодолевать трудности. И, может быть, чему-то еще, чему он пока не мог дать название. Он подумал, что, возможно, это и есть смысл всего пути — не дойти до вершины, а измениться по дороге. Стать кем-то другим, лучшим, чем был.

Он шел дальше. Время потеряло для него значение. Он не знал, сколько прошло часов или дней — солнце не светило, небо не менялось, только серое марево вокруг. Иногда

ему казалось, что он слышит голоса — тихие, неразборчивые, словно кто-то шептал ему что-то важное, но он не мог разобрать слова. Он вслушивался, но голоса стихали, и оставалась только тишина. Он пытался понять, что они говорят, но тщетно. Может быть, это были обрывки его собственных мыслей, а может — что-то иное, древнее, живущее в этом месте. Он не знал.

Однажды — или это было через минуту, или через год, он не знал — он увидел на ступени впереди что-то темное. Подойдя ближе, Сергей понял, что это книга. Толстая, в кожаном переплете, она лежала прямо на камне, словно кто-то оставил ее здесь специально для него. Он наклонился и поднял ее. Книга была тяжелой, но не настолько, чтобы ее нельзя было нести. На обложке не было названия, только тисненый узор, похожий на спираль. Спираль уходила в бесконечность, закручиваясь внутрь себя, и Сергей невольно залюбовался ею. Он провел пальцем по тиснению — оно было теплым, словно книга жила своей собственной жизнью.

Сергей открыл книгу. Страницы были пустыми. Абсолютно белыми, без единой буквы. Он перелистал несколько страниц — ничего. Тогда он закрыл книгу и посмотрел на корешок. Там тоже ничего не было. Он вздохнул и решил взять книгу с собой. Может быть, она пригодится позже. Может быть, страницы заполнятся, когда он будет готов. Он по-

думал, что эта книга — как его память: пустая, но готовая наполниться. Нужно только дойти до места, где это произойдет. Или, может быть, он должен сам написать в ней что-то. Но что? Он не знал.

Он продолжил подъем, держа книгу под мышкой. Теперь идти стало сложнее — приходилось думать не только о ногах, но и о том, чтобы не выронить ношу. Но книга не мешала. Она была словно частью его самого, продолжением руки. Сергей подумал, что, может быть, это и есть его память — пустая пока, но готовая наполниться. Нужно только дойти до места, где это произойдет.

Лестница тянулась ввысь. Ступени сменяли друг друга, иногда широкие, иногда узкие, иногда высокие, иногда низкие. Сергей шел. Он не знал, сколько еще осталось, не знал, что ждет его наверху, не знал, правильно ли он делает. Но он шел. Потому что это было единственное, что он мог делать. И потому что где-то в глубине души — там, где еще теплилась жизнь, — он чувствовал, что идет не зря. Что каждая ступень, которую он преодолевает, приближает его к чему-то важному. К самому себе.

Иногда он останавливался, чтобы перевести дух, и тогда смотрел на книгу. Ему казалось, что на белых страницах начинают проступать какие-то тени, едва заметные, как следы

на песке. Но стоило присмотреться, как они исчезали. Может быть, это было воображение. А может быть, книга действительно оживала, впитывая его шаги, его усталость, его мысли. Сергей не знал. Он просто шел дальше, сжимая книгу в руке, и лестница вела его вверх, в серое небо, в неизвестность. И он шел. Шаг за шагом. Ступень за ступенью. В тишине, в холоде, в одиночестве. Но он шел.

Глава 2. Отказ от багажа

Сергей не знал, сколько времени прошло с тех пор, как он сделал первый шаг. Время на лестнице текло странно, не подчиняясь ни часам, ни дыханию, ни ударам сердца. Иногда ему казалось, что он идет уже целую вечность, что за спиной остались годы, десятилетия, может быть, вся жизнь; а иногда — что лишь мгновение назад он отошел от того места, где проснулся, и еще можно вернуться, лечь обратно в туман и забыть этот подъем, как забывают тяжелый сон. Но возвращения не было. Была только лестница.

Она поднималась в серое небо, терялась в облаках и не имела ни перил, ни стен, ни конца. Ступени казались вырубленными из старого камня: шероховатые, холодные, местами отполированные до блеска, словно по ним прошли тысячи ног. Но чьи это были ноги? Кто еще поднимался здесь до него? Сергей не знал. Он никого не встречал, кроме Миры. И все же иногда ему чудилось, что в тишине слышны отголоски шагов — не его собственных, а чужих, далеких, словно лестница помнила всех, кто когда-либо пытался по ней пройти.

Он перестал считать ступени после первой сотни. Снача-

ла он честно отмечал каждую: «сто один», «сто два», «сто три», — но числа начали путаться, сливаться, и он понял, что считает не для того, чтобы узнать, сколько осталось, а чтобы отвлечься от мыслей. А мысли были тяжелее ступеней. Они приходили без приглашения, обступали со всех сторон, шептали о прошлом, которого он не помнил, и о будущем, которого не знал. Он гнал их, но они возвращались.

Ступени то становились шире, то уже, то поднимались полого, то вздымались круто, словно лестница проверяла его на прочность. Иногда между ними появлялись трещины, из которых тянуло сыростью и чем-то древним, похожим на запах подвала. Иногда камень становился теплым, будто его только что нагрело солнце, которого здесь не было. Сергей приноковился: на широких шагал размашисто, на узких — осторожно, на высоких — подтягивался, помогая себе руками. Тело, несмотря на усталость, слушалось все лучше. Мышцы наливались силой, дыхание выравнивалось, шаг становился увереннее. Он даже начал думать, что подъем не так уж и страшен, если идти размеренно и не смотреть вверх. Смотреть вверх было хуже всего: там не было ни вершины, ни намека на нее. Только серые облака, равнодушные и бесконечные.

Пустая книга, которую он нашел, лежала у него за пазухой. Он не знал, зачем взял ее, но она казалась важной. Иногда

он доставал ее, перелистывал белые страницы, надеясь, что на них проступит хоть слово, хоть знак, хоть намек на то, кто он и куда идет. Но страницы оставались чистыми. Они были белее снега, белее облаков, белее всего, что он видел вокруг. И эта белизна пугала и притягивала одновременно. Он убрал книгу обратно и шел дальше, чувствуя, как она прижимается к груди, словно маленькое живое существо.

Однажды — это случилось после особенно крутого участка, где ступени были высотой по колено, и ему пришлось карабкаться, хватаясь за выступы, — он увидел на площадке перед собой темный предмет. Сергей остановился, перевел дух и присмотрелся. На ступени лежал рюкзак. Обычный, черный, с множеством карманов и молний, потертый в углах и с болтающейся на бегунке веревочкой. Он узнал его сразу. Это был его рюкзак. Тот самый, с которым он ездил на работу, в командировки, в спортзал. Он лежал прямо на камне, словно кто-то положил его здесь специально, чтобы Сергей его нашел.

Сердце забило быстрее. Он подошел и опустился на колени. Камень под коленями был холодным и жестким. Рюкзак был тяжелым, туго набитым, и когда Сергей потянул за молнию, та поддалась с тихим скрежетом. Внутри лежало все, что он носил с собой в прошлой жизни. Ноутбук в чехле, планшет, зарядки, наушники. Бумажник, набитый купюрами

и карточками. Ключи от квартиры и машины. Паспорт. Дипломы в твердых корочках — бакалавра, магистра, какие-то сертификаты о повышении квалификации. Еще какие-то бумаги, визитки, пропуска. Все это было аккуратно уложено, как он сам когда-то укладывал, и от этого зрелища у Сергея перехватило дыхание.

Он не помнил, как оказался на лестнице, но помнил эти вещи. Каждая из них была частью его жизни, частью его самого. Дипломы — годы учебы, бессонные ночи перед экзаменами, гордость родителей. Деньги — работа, сделки, успех. Гаджеты — связь с миром, фотографии, переписки, музыка. Ключи — дом, машина, безопасность. Паспорт — имя, гражданство, принадлежность. Он смотрел на них, и в голове всплывали обрывки образов: вот он сидит в аудитории, вот подписывает договор, вот впервые садится за руль своей машины, вот открывает дверь квартиры, вот держит в руках диплом и улыбается для фотографии. Эти образы были яркими, как вспышки, но не складывались в целую картину. Они были как отдельные кадры из фильма, который он когда-то смотрел, а теперь пытался вспомнить.

— Мое, — прошептал Сергей. — Это все мое.

Он надел рюкзак на плечи. Тот был тяжелым, но не настолько, чтобы нельзя было идти. Сергей поправил лямки,

подтянул их потуже и продолжил подъем. Первые несколько ступеней дались легко. Рюкзак привычно давил на плечи, но это был знакомый вес, почти успокаивающий. Он нес свою жизнь, и это казалось правильным. Зачем оставлять то, что принадлежит тебе? Зачем отказываться от того, что ты заработал, что ты создал, чем гордился? Лестница — это путь, но путь не означает, что нужно идти налегке. Так он думал, пока не прошел еще несколько десятков ступеней.

Потом рюкзак начал тяжелеть. Сначала незаметно, словно кто-то подкладывал в него камни по одному. Сергей не сразу понял, что происходит. Он просто почувствовал, что дышать стало труднее, что ляжки врезаются в плечи, что каждый шаг требует больше усилий. Он остановился, снял рюкзак, открыл его и заглянул внутрь. Вещи были на месте, ничего не изменилось. Он закрыл рюкзак и надел его снова. Но тяжесть не исчезла. Она росла с каждой ступенью. Теперь рюкзак давил на позвоночник, оттягивал плечи вниз, словно набитый свинцом. Сергей попробовал идти быстрее, чтобы быстрее преодолеть этот участок, но силы быстро кончились. Он прислонился к ступени, тяжело дыша, и посмотрел наверх. Облака по-прежнему висели над головой, серые и равнодушные. Лестница уходила в бесконечность.

— Почему? — спросил он вслух. — Почему так тяжело?

Ответа не было. Только тишина и собственное дыхание. Сергей стиснул зубы и заставил себя сделать еще один шаг. Потом еще. Ноги дрожали, спина ныла, но он шел. Он не мог бросить рюкзак. Это было его. Его жизнь, его достижения, его память. Без них он был никем. Без них он был просто человеком на лестнице, без прошлого, без имени, без цели. Он должен был нести их. Должен был.

Он сделал еще шаг и упал. Колени ударились о камень, руки вцепились в ступень, но рюкзак тянул вниз, назад, и Сергей понял, что не может подняться. Он лежал на ступени, придавленный собственным грузом, и не мог даже пошевелиться. Паника накрыла его с головой. Он дернулся, пытаясь сбросить лямки, но они словно приросли к телу. Он рванул сильнее и наконец сбросил рюкзак. Тот упал рядом с ним с глухим стуком. Сергей перевернулся на спину и уставился в серое небо. Легкие горели, сердце колотилось где-то в горле. Он был свободен. Но радости не было. Только пустота.

— Ты несешь слишком много, — раздался знакомый голос.

Сергей повернул голову. Мира стояла на несколько ступеней выше, и ее глаза светились в полумраке. Она смотрела на него без осуждения, но с какой-то печальной уверенностью.

— Это мое, — прохрипел Сергей. — Я не могу это бросить.

— Можешь, — сказала Мира. — И должен. Лестница не принимает багаж. Ты можешь взять с собой только себя.

— Но там вся моя жизнь! — Сергей сел, и его голос сорвался на крик. — Дипломы, деньги, документы! Это я! Без этого я — ничто!

Мира медленно спустилась к нему. Она села рядом на ступень, и Сергей снова почувствовал это странное тепло, исходящее от нее. Оно не согревало тело, но касалось чего-то глубоко внутри.

— Ты думаешь, что твоя жизнь — это то, что лежит в рюкзаке? — спросила она тихо. — Бумажки, которые подтверждают, что ты чему-то учился? Деньги, которые говорят, что ты чего-то добился? Устройства, которые связывают тебя с миром, которого здесь нет?

— Это не просто бумажки, — упрямо сказал Сергей. — Это мои достижения. Мой путь. То, чего я добился сам. Я не могу просто взять и выбросить это.

— А ты попробуй, — сказала Мира. — Открой рюкзак.

Посмотри на каждую вещь. И спроси себя: она поможет тебе подняться?

Сергей не хотел. Он знал, что она права, но признать это было выше его сил. Он смотрел на рюкзак, лежащий на ступени, и чувствовал, как внутри него борются две силы. Одна тянула его вниз, к прошлому, к привычному, к безопасному. Другая — вверх, в неизвестность, в холод, в пустоту. Он не знал, какая из них сильнее.

— Я не могу, — сказал он наконец. — Это все, что у меня есть.

Мира взяла его за руку. Ее пальцы были прохладными, но в этом прикосновении было столько спокойствия, что Сергей невольно расслабился.

— Посмотри на меня, — сказала она. — Что ты видишь?

Сергей посмотрел в ее светящиеся глаза. В них не было ни прошлого, ни будущего. Только настоящее. Только этот момент. Только он и она на ступени, между туманом и облаками.

— Я вижу тебя, — сказал он.

— А что ты знаешь обо мне? — спросила Мира. — Знаешь, где я родилась? Сколько у меня дипломов? Сколько денег на счету? Какие гаджеты я ношу с собой?

— Нет, — признался Сергей. — Не знаю.

— И все же я существую, — улыбнулась Мира. — Я здесь. Я говорю с тобой. Я помогаю тебе. И для этого мне не нужен багаж. Ты можешь взять с собой только то, что ты есть. Не то, что ты имеешь. Не то, что ты сделал. А то, что ты чувствуешь. То, что ты помнишь не умом, а сердцем.

Сергей опустил взгляд на рюкзак. Он больше не казался ему сокровищем. Теперь он видел его таким, каким он был на самом деле — тяжелым, громоздким, чужим. Вещи в нем принадлежали не ему нынешнему, а тому, кем он был когда-то. Тому, кто остался внизу, в тумане. Тому, кто, может быть, уже не существовал.

— Если я оставляю это здесь, — сказал он медленно, — я потеряю себя.

— Нет, — покачала головой Мира. — Ты потеряешь то, что мешает тебе найти себя. Ты не помнишь своего прошлого, Сергей. Но ты пытаешься удержать его вещи. Зачем? Чтобы доказать, что оно было? Оно было. Ты здесь. Ты дышишь.

Ты идешь. Это и есть доказательство. А вещи... вещи — это просто вещи.

Она встала и отошла на несколько ступеней. Сергей остался сидеть, глядя на рюкзак. Внутри него шла борьба. Он вспоминал, как получал диплом, как подписывал первый контракт, как покупал первую машину. Эти воспоминания были яркими, живыми, они грели его. Но они же и тянули вниз. Он чувствовал это физически: стоило подумать о чем-то из прошлого, как ноги снова наливались тяжестью, а плечи словно придавливало невидимым грузом.

— Я не могу просто выбросить свою жизнь, — сказал он, но в голосе уже не было уверенности.

— Ты не выбрасываешь, — ответила Мира. — Ты отпускаешь. Оставь это здесь. Оно никуда не денется. Может быть, когда-нибудь ты вернешься и заберешь это. А может быть, и нет. Но сейчас, чтобы идти дальше, тебе нужно освободиться.

Сергей глубоко вздохнул. Он открыл рюкзак и начал вынимать вещи. Первым достал ноутбук. Тяжелый, металлический, с наклейками на крышке. Он провел пальцами по потертой поверхности. Сколько часов он провел за ним? Сколько проектов сделал? Сколько писем написал? Ноутбук

был его рабочим инструментом, его связью с миром. Он положил его на ступень. Ноутбук остался лежать, тускло поблескивая в сером свете.

Следующим был планшет. Потом телефон. Зарядки, наушники, провода. Все это он аккуратно выкладывал рядом, создавая небольшую кучку. С каждой вещью было связано что-то. Наушники — музыка в метро, отрешение от толпы. Телефон — тысячи фотографий, которые он никогда не пересматривал. Планшет — книги, которые он скачивал, но не читал. Все это было частью его жизни, но не частью его самого. Он понял это только сейчас.

Потом пришло время бумажника. Сергей раскрыл его. Там были купюры — много купюр. Он не считал, сколько именно, но на глаз там было достаточно, чтобы прожить несколько месяцев. Он вынул деньги и положил их на ступень. Они легли тонкой пачкой, и ветер — если бы здесь был ветер — мог бы их разбросать. Но ветра не было. Только тишина. Следом пошли карточки. Кредитные, дебетовые, дисконтные, какие-то клубные. Он смотрел на них и не мог вспомнить, зачем они ему нужны. Здесь, на лестнице, они были бесполезны. Он оставил их рядом с деньгами.

Паспорт он держал в руках дольше всего. Это была его идентичность. Имя, фамилия, дата рождения, фотография.

Он смотрел на свое лицо — молодое, самоуверенное, с легкой улыбкой. Он не помнил, когда делал это фото. Не помнил, что чувствовал в тот день. Он положил паспорт на ступень, но не выпустил из рук. Пальцы не разжимались.

— Отпусти, — тихо сказала Мира.

— Я не могу, — прошептал Сергей. — Если я отпущу это, кто я?

— Ты — тот, кто идет, — ответила она. — Ты — тот, кто поднимается. Ты — тот, кто не боится остаться без имени, потому что знает, что имя — это не главное.

Сергей закрыл глаза. Внутри него что-то боролось, рвалось, кричало. Он держал паспорт так, словно это была последняя нить, связывающая его с реальностью. Но потом он вспомнил слова Миры: «Ты не помнишь своего прошлого. Но ты пытаешься удержать его вещи». Она была права. Он не помнил. Он держался за бумажки, потому что боялся пустоты. Но пустота уже была внутри него. И заполнить ее бумажками было нельзя.

Он разжал пальцы. Паспорт упал на ступень, раскрылся на странице с фотографией, и Сергей отвел взгляд. Он не хотел видеть свое лицо. Не хотел вспоминать.

Оставались дипломы. Твердые корочки, тисненные золотом. Он открыл одну. «Сергей Александрович Волков, присуждена степень...» Он не стал читать дальше. Закрыв. Положил на ступень. Второй диплом. Третий. Сертификаты. Грамоты. Все это он выкладывал, и с каждой вещью ему становилось легче. Не сразу. Сначала было больно. Словно он отрывал от себя куски. Но потом боль утихла, и пришло странное чувство. Облегчение. Словно он сбросил с плеч гору, которую тащил много лет и уже не замечал.

Когда рюкзак опустел, Сергей посмотрел на кучу вещей, лежащих на ступени. Они выглядели жалко. Кучка хлама, потерявшая всякий смысл. Ноутбук без интернета, деньги без магазинов, дипломы без комиссий. Он улыбнулся. Впервые за все время на лестнице — искренне, легко.

— Я сделал это, — сказал он.

Мира кивнула.

— Ты сделал первый шаг, — сказала она. — Настоящий первый шаг. Теперь ты можешь идти.

Сергей встал. Он больше не чувствовал тяжести. Тело было легким, словно он сбросил не только рюкзак, но и что-

то невидимое, что давило на него изнутри. Он посмотрел на пустой рюкзак, лежащий на ступени, и понял, что не хочет его брать. Даже пустой. Он оставил его там же, где и вещи. Пусть лежит. Пусть ждет. Может быть, когда-нибудь он вернется. А может быть, и нет.

— Спасибо, — сказал он Мире.

— Не меня благодари, — ответила она. — Себя. Это твой выбор. Ты справился.

Она начала растворяться, как и в прошлый раз. Свет ее глаз стал ярче, потом померк, и она исчезла, оставив Сергея одного на ступени. Он стоял и смотрел на кучу вещей, которая осталась внизу. Потом повернулся и пошел вверх.

Ступени действительно стали легче. Не потому, что изменились — они остались такими же, серыми и каменными. Но идти по ним стало проще. Дыхание не сбивалось, ноги не дрожали, спина не ныла. Сергей шел, и ему казалось, что он не поднимается, а летит. Он чувствовал себя пустым, но эта пустота не была страшной. Она была свободной. В ней было место для чего-то нового. Для чего-то, что он найдет наверху. Или внутри себя.

Он достал из-за пазухи книгу. Пустую, с белыми страни-

цами. Он открыл ее и провел рукой по первой странице. Она по-прежнему была чистой. Но теперь Сергей не расстроился. Он понял, что это правильно. Пока рано. Сначала нужно дойти. А потом, когда он будет готов, страницы заполнятся. Он закрыл книгу и убрал ее обратно. И пошел дальше.

Лестница тянулась ввысь. Ступени мелькали одна за другой. Сергей шел, и впервые за все время ему казалось, что он знает, куда идет. Пусть не умом, пусть не памятью. Но сердцем. А это было важнее всего.

Глава 3. Первое облако (Страх)

После того как Сергей оставил рюкзак на ступени, идти стало непривычно легко. Это было странное чувство, почти неправильное. Тело словно потеряло вес, будто из него вынули свинец, который он таскал годами и уже перестал замечать. Каждый шаг давался без усилия, и от этого становилось даже немного страшно: слишком уж легко. Он поднимался и чувствовал, как воздух вокруг постепенно меняется. Он больше не был просто серым и неподвижным — в нем появилась едва заметная дрожь, словно далекое дыхание огромного существа, которое спало где-то в глубине лестницы и теперь медленно просыпалось. Воздух стал плотнее, холоднее, в нем появился запах камня, пыли и чего-то еще — старого, забытого, похожего на запах подвала, где когда-то хранились чужие вещи.

Сергей шел долго, не считая ступеней, не глядя вниз. Он просто переставлял ноги и думал о том, что сказала Мира. «Ты не выбрасываешь. Ты отпускаешь». Эти слова звучали в нем, как эхо, и от них становилось спокойнее. Он повторял их про себя, пробовал на вкус, как воду после долгой жажды. Отпускать оказалось труднее, чем выбрасывать. Выбросить — значит сделать резкое движение, избавиться, захлопнуть

дверь. А отпустить — значит признать, что вещь была твоей, что она что-то значила, а потом разжать пальцы и позволить ей уйти. В этом было больше правды. И больше боли.

Рюкзак остался позади. Сергей не оборачивался. Он знал, что если посмотрит назад, то увидит его — старый, с потертыми лямками, с пятнами на ткани, с молнией, которая давно цеплялась за ткань. В нем лежало многое: бумаги, старые блокноты, зарядка для телефона, которую он никогда не использовал, несколько фотографий, которые он не решался выбросить, и еще сотня мелочей, каждая из которых тянула его вниз, как маленький камень, привязанный к ногам. Теперь камней не было. Осталась только легкость. Но легкость тоже пугала. Она была непривычной, как тишина после постоянного шума.

Впереди лестница начала исчезать. Не резко, не обрываясь, а словно растворяясь в чем-то плотном и белом. Сергей остановился. Перед ним лежало облако. Оно не висело в небе, как обычные облака, а спустилось на ступени и стояло стеной, перекрывая путь. Оно было густым, как молоко, и в нем не было видно ни малейшего просвета. Оно не клубилось, не двигалось, не пропускало свет. Оно просто стояло — и ждало. Сергей сделал шаг в сторону, надеясь обойти его, но облако тянулось в обе стороны, насколько хватало взгляда. Оно не имело края. Оно не имело конца. Оно бы-

ло везде, где заканчивалась лестница, и там, где она должна была продолжаться.

Сергей подошел ближе. От облака веяло холодом, но не таким, как от тумана внизу. Этот холод был другим — он проникал внутрь, в самые глубокие уголки души, где прятались забытые страхи. Он не морозил кожу. Он морозил память. Сергей почувствовал, как у него сжалось горло. Ему захотелось отступить, вернуться на несколько ступеней назад, сесть и переждать. Может быть, облако рассеется само. Может быть, можно найти другой путь. Может быть, стоит просто подождать. Но он знал, что другого пути нет. Лестница была одна. И облако было на ней. Оно не двигалось, не угрожало, не рычало. Оно просто было. И от этого было страшнее, чем от любого чудовища.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.